

Текст · 24 мая 2019, 10:17

Никита Сологуб,

Отдельная квартира и одноразовый шприц. Что общего у наркополитики и урбанистики — португальская версия

В 1933 году в Португалии установился режим, известный как «Новое государство» — пришедший к власти Антониу ди Салазар делал ставку на религию, патриотизм и семейные ценности. Так продолжалось четыре десятилетия. В 1974 году бескровный военный переворот положил конец правлению консерваторов, страна открылась для внешнего рынка, и вскоре в Португалию, где десятилетиями под запретом была даже кока-кола, хлынули кокаин и героин.

Нынешний советник президента по вопросам наркотиков Жуан Гулан считает, что столь быстрому их распространению поспособствовали два фактора: во-первых, коррумпированность полиции, пропускавшей запрещенные грузы и превратившей страну в главный перевалочный пункт на пути из Южной Америки в Европу, во-вторых — возвращение на родину солдат, участвовавших в колониальных войнах в Африке, где героин был традиционно распространен.

К концу 1990-х число наркозависимых — прежде всего, от героина — достигло в Португалии небывалой величины в один процент всего населения, которое на тот момент составляло 10 млн человек. «Внезапно

кокаин и героин оказались повсюду», — вспоминает Гулан.

Символом наркотической эпидемии, захлестнувшей страну, стали трущобы Касаль Вентозо (от *Castelo Ventoso* — Ветреный замок), расположенные на холме Алкантара на севере Лиссабона. «Трущобы — лабиринт грязных переулков, вьющихся между неуклюжими хижинами и грязными палатками. Воняет мусором и мочой. Женщина моет свои длинные волосы в общественном фонтане. Молодые люди, опираясь на стену, среди бела дня делают себе инъекции героина», — [описывал](#) район посетивший его в 2000 году корреспондент *The Washington Post*.

Повальная наркотизация в трущобах Касаль Вентозо шла рука об руку с ужасающими бытовыми условиями. В 1995 году лиссабонские социальные службы провели исследование, которое показало, что 40% домохозяйств района не имели доступа к водопроводу, 27% — к канализации, 10% — к электричеству, а у 42% не было кухни, пригодной для приготовления пищи.

Предположив, что одна беда может проистекать из другой, годом позже португальское правительство создало специальный орган — Кабинет реконверсии Касаль Вентозо (*Gabinete de Reconversão do Casal Ventoso*), который должен был найти решение проблем района, где полицейские облавы были попросту бесполезны. Поскольку к наркоторговле так или иначе был причастен практически каждый житель трущоб, не исключая детей, новость о появлении силовиков

моментально доходила до дилеров, которые до задержания успевали перепрятать «вес».

После каждого такого рейда в тюрьме оказывались сотни потребителей, но не продавцов, что только усугубляло маргинализацию местных жителей. «Несмотря на репутацию района, тут сложно было избежать полицейского контроля. После рейдов в тюрьмы попадали сотни жителей. Вот почему здесь сложились очень тесные отношения — между кварталом и тюрьмой. Одни заехали, другие вышли. Целые семьи оказывались там, сразу или постепенно», — вспоминает социолог и автор книги о Касаль Вентозо Мигел Чавес.

«Даже в масштабах Европы район был настоящим гипермаркетом наркотиков», — **добавляет** руководитель сектора социального взаимодействия Кабинета Жудите Лопес. По ее словам, в Касаль Вентозо за наркотиками приезжали около пяти тысяч покупателей в день, а торговлей занимались все семьи без исключения.

«Речь идет даже не о преступности — это был просто образ жизни. Однажды я видел 80-летнюю женщину, которая одной рукой продавала через окно героин, а другой наливала в тарелки детям суп», — объясняет Гулан. По его словам, медики находили трупы каждый день, а «влияние [района] на здоровье общества было огромным».

Пугающее число погибших было связано не только с передозировками, но и с царившей в трущобах антисанитарией. «Это было место с огромным

уровнем потребления, шприцев на всех не хватало. Некоторые люди мыли шприцы водой с лимоном, чтобы снова использовать. Так делали тысячи людей ежедневно, — **вспоминает** работавший в Касаль Вентозо волонтер Америго Наве. — Я видел людей с личинками в ранах. Когда они прибывали в больницу с гангреной, у врачей был единственный выход — ампутировать конечности».

ВИЧ-положительный статус имели 55% населения, 80% болели гепатитом С, а 14% — туберкулезом.

По итогам исследования Кабинет при правительстве решил, что разорвать связь района с наркотиками получится только в том случае, если кардинально изменится весь образ жизни его обитателей.

Поскольку реконструкция домов на прежнем месте не разрушила бы сложившиеся между жителями связи, власти решили расселить их. В результате в Лиссабоне появились три новых квартала — Кинта-ду-Лорейру, Кинта-ду-Кабринья и Сеута-Сул. Семьям из Касаль Вентозо предложили квартиры со всеми удобствами в выкрашенных в яркие цвета четырехэтажных домах, и большинство согласилось на переезд.

Процесс переселения был запущен в 1999 году с подачи тогдашнего президента муниципалитета Лиссабон социалиста Жоао Соареша. Помимо португальского правительства, деньги на проект — 5,7 млн евро — **выделил** Евросоюз. Первых переселенцев принял квартал Кинта-ду-Кабринья — всего 248 семей. Преодолеть социальную изоляцию и адаптироваться на новом месте им помог «Проект

Алкантара», волонтерская организация, которая устраивала там разнообразные мероприятия — от детских спортивных соревнований до уроков танцев для пожилых.

Как только жители Касаль Вентозо переехали в новые дома, трущобы были снесены, и наркоторговля исчезла сама собой — вместе с разрушением сложившегося вокруг нее сообщества. «Люди наконец-то стали жить каждый для себя. Дома для переселения были удалены друг от друга, были многоэтажными — выходишь из автобуса, возвращаешься домой и никого не видишь. Раньше, пока я шел домой [в Касаль Вентозо], я встречал около 30–40 своих друзей», — вспоминает бывший житель трущоб Горети Родригез.

Хотя многие выходцы из района не отказались от наркотиков, употребление теперь стало для них более безопасным: власти выделили гранты на программы снижения вреда в новых районах, в том числе — по замещению героина метадоном. Элза Лукас Белу, технический директор организации терапевтической поддержки «Ареш до Пиньял», **вспоминает**, что уже на следующий день после сноса трущоб за метадоном выстроилась очередь — наркозависимые, по привычке приехавшие в Касаль Вентозо за героином, теперь попросту не знали, где его взять.

Наконец, социализации переселенцев способствовала и отмена уголовного наказания за употребление и хранение наркотиков, которую Португалия первой из европейских стран объявила

в 2001 году. Выходцам из Касаль Вентозо, так и не победившим зависимость, больше не нужно было прятаться от полиции: теперь обнаружение вещества в объеме, не превышающем десяти доз, грозило лишь административной ответственностью. При этом необходимость административного наказания определяли не суды, а специальные комиссии, в которые входили соцработники, психологи и юристы. В случае, если комиссия сочтет пойманного с наркотиками человека закоренелым нарушителем, ему грозит штраф в размере до 150 евро либо ограничение в правах — например, на ношение оружия. Однако в абсолютном большинстве случаев наказание после первого задержания не назначается.

Заброшенные дома в Касаль Вентозо. Фото: *magg.pt*

Переезд закончился в 2002 году. Спустя 20 лет после разрушения Касаль Вентозо на холме, куда раньше приходили за наркотиками со всего Лиссабона, уцелел лишь десяток лачуг на единственной улице Коста Пимента. Там живут несколько семей, отказавшихся переезжать и сотрудничать с властями. «Склон холма, который когда-то был полон людей, пустынен. Больше нет лачуг, больше нет торговцев, больше нет очередей за героином или кокаином. Немногие дома заселены — жизнь есть, но мало. <...> Мы видим больше шприцев на полу, чем людей вокруг», — описывает район в его нынешнем состоянии португальское издание *MAGG*.

Несмотря на острейшие бытовые и социальные проблемы Касаль Вентозо, среди выходцев из трущоб есть те, кто и 20 лет спустя сожалеет, что согласился

на переселение — эти люди настаивают, что добрососедские отношения в районе не сводились к общему участию в наркоторговле. В интервью изданию *RTP* бывшая жительница Касаль Вентозо Мария Симойнш **говорит**, что после переезда в Кинта-ду-Кабринья «потеряла все», и называет новый район «кладбищем». Ей вторит мужчина, представившийся Жозе Карлушем — он клянется, что новые кварталы — это «внутренний двор тюрьмы» и «настоящий ад». Но такого мнения придерживается все же меньшинство.

Горети Родригес, после переселения ставший членом инициативной группы местных жителей, отвечающей за взаимодействие с муниципалитетом, считает, что недовольство теперь уже стареющих переселенцев вызвано прежде всего ощущением, что власти бросили их на произвол судьбы. Так, многие жители новых районов жалуются на поломанные лифты и отсутствие пандусов для инвалидных колясок. Однако в городском совете Лиссабона *RTP* заверили, что за каждым новым районом следят и по мере необходимости проводят реновацию — так, в конце прошлого года в Кинта-ду-Кабриньи начали ремонтировать кровлю домов; в этом году там установят солнечные батареи, заменят наружную облицовку фасадов, окна, двери и почтовые ящики. Следующим будет обновлен Кинта-ду-Лорейро. Работы начнутся в 2020 году, а инвестиции составят более миллиона евро.

Социолог Мигел Чавес считает, что культивировавшаяся в конце 1990-х в Португалии идея о том, что если трущобы снести, то наркотики

сами собой исчезнут, была идеалистической. Конечно, этого не произошло, отмечает он, однако разрушение района действительно сыграло важнейшую роль в изменении национальной наркополитики — благодаря этому власти осознали необходимость введения метадоновых программ и в конце концов решились на декриминализацию.

По словам Филиппа Сантоса — главы организации «Алкантара», работавшей с местными жителями с самого начала переселения — название Касаль Вентозо в коллективной памяти Лиссабона и страны до сих пор означает «нестирающуюся стигму», однако дети, которым сейчас по шесть-семь лет, уже не знают, что оно значит.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Исправлено 27 мая в 15:54. Редакция благодарна читателям, указавшим на многочисленные ошибки, допущенные при транслитерации португальских имен и топонимов.